

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2024-4-88-99>

Виды имущественных прав в гражданском праве

Р. А. Рябзин

кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный Суд Российской Федерации,
121260, Москва, Поварская ул., д. 15, стр. 1.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Types of Property Rights in Civil Law

R. A. Ryabzin

PhD in Law,
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Supreme Court of the Russian Federation,
Build. 1, 15 Povarskaya str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается ряд дискуссионных на сегодняшний день вопросов – о зависимости (или независимости) имущественного или неимущественного характера субъективного гражданского права от его объекта; о возможности отнесения к числу имущественных прав корпоративных и наследственных прав. Отдельное внимание автором уделено анализу цифровых прав, которые включены законодателем в перечень объектов гражданских прав в составе имущественных прав. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Выбор того или иного права зависит не только от свойств и юридических характеристик его объекта, во многом выбор права определяется характером потребности (интереса) субъекта права: к примеру, если речь идет о защите прав автора результата интеллектуальной деятельности, совершенно очевидно, что такой интерес носит личный характер и, следовательно, оформляется личным неимущественным правом со свойственным ему правовым режимом. В то же время имущественный интерес правообладателя реализуется и защищается в режиме имущественных прав. Автор поддерживает доктринальную позицию о правовой природе цифровых прав как способе закрепления (удостоверения) имущественного права. Вследствие этого современная система имущественных прав в гражданском праве может быть представлена (с определенными ограничениями) вещными, обязательственными, корпоративными и наследственными правами.

Ключевые слова: характер объекта гражданского права, имущественный или неимущественный характер, фирменное наименование юридического лица, алиментное обязательство, виды имущественных прав, вещные права, обязательственные права, исключительные права, корпоративные права, цифровые права.

Abstract

The article reveals a number of controversial issues today – about the dependence (or independence) of the property or non-property nature of subjective civil law from its object; about the possibility of classifying corporate and inheritance rights as property rights. The author pays special attention to the analysis of digital rights, which are included by the legislator in the list of objects of civil rights as part of property rights. As a result of the conducted research, the author came to the following conclusions. The choice of a particular right depends not only on the properties and legal characteristics of its object, but in many ways the choice of law is determined by the nature of the need (interest) of the legal entity: for example, if it is a question of protecting the rights of the author of the result of intellectual activity, it is obvious that such an interest is personal, and therefore formalized by personal non-property law with its own legal regime. At the same time, the property interest of the copyright holder is realized and protected in the regime of property rights. The author supports the doctrinal position on the legal nature of digital rights as a way of securing (certifying) property rights. As a result, the modern system of property rights in civil law can be represented (with certain restrictions) by property, obligation, corporate and inheritance rights.

Keywords: the nature of the object of civil law, property or non-property nature, corporate name of a legal entity, alimony obligation, types of property rights, property rights, binding rights, exclusive rights, corporate rights, digital rights.

В настоящее время не вызывает сомнений, что к имущественным правам относятся вещные, обязательственные и исключительные права. Как отмечает Е. А. Суханов, говоря об имущественных правах, изначально традиционной рассматривалась дихотомия вещных и обязательственных прав, однако с развитием рынка интеллектуальных продуктов появилась новая категория гражданских (частных) прав – интеллектуальные права. Следует согласиться с выводами ученого, по словам которого к концу XX в. сложилась система имущественных прав, оформляющих принадлежность различных объектов гражданского оборота, поскольку фиксируемые гражданско-правовые режимы¹ учитывают особенности «хозяйственного господства» над разнообразными видами имущества (объектами гражданских прав) [29]. Принимая во внимание тот факт, что понятие «имущественное право» является собирательным, вызывают недоумения различные доктринальные предположения о месте имущественных прав как правовой категории в системе прав. К одному из таких выводов, в частности, пришел В. В. Рыбаков, по мнению которого «...в силу определенных особенностей имущественные права занимают промежуточное место между вещными и обязательственными правами». Эти особенности, по мнению автора, заключаются в самой природе субъективного имущественного права, которому во всех случаях противостоит соответствующая имущественная обязанность другой стороны правоотношения. Исходя из этого, В. В. Рыбаков делает вывод о том, что имущественные права имеют обязательственную природу, так как являются частью относительного гражданского правоотношения, в котором субъективному гражданскому праву противостоит имущественная обязанность строго определенного лица или нескольких лиц [27].

При этом определенный теоретический интерес для нашего исследования представляют высказанные в юридической доктрине предположе-

ния о независимости имущественного или неимущественного характера субъективного гражданского права от его объекта. Большинство ученых справедливо, на наш взгляд, отмечают, что каждый элемент правовой категории «объект субъективного права» является той сущностью, по поводу которой могут возникать субъективные гражданские права [2], при этом сущностная определенность субъективного гражданского права производна от правовой природы объекта [34]. Согласно устоявшимся представлениям, имущественные права, в отличие от личных неимущественных прав, возникают в отношении имущества. При этом в числе признаков личных неимущественных прав называют их возникновение по факту рождения или в силу закона, а также неотчуждаемость. Если субъективное право не соответствует данным признакам, оно, следовательно, не является «личным», а значит, принимая во внимание общепризнанную дихотомию субъективных прав, относится к имущественным.

В частности, П. Ю. Костин пришел к выводу о том, что имущественный или неимущественный характер объекта права не определяет имущественный или неимущественный характер самого субъективного права, при этом автор ставит вопрос о существовании личных имущественных прав. Данное умозаключение автор обосновывает существованием, например, права получателя алиментов из алиментного обязательства, которое по своей правовой природе является имущественным правом (поскольку оформляет имущественный интерес его обладателя), однако относится к личным правам (так как его возникновение тесно связано с личностью определенного лица). В результате П. Ю. Костин именует такое право личным имущественным правом [13].

На наш взгляд, в рассуждениях, которые привели автора к указанным выводам, допущена методологическая ошибка – право на получение алиментов не может рассматриваться в системе гражданских неимущественных и имущественных прав, поскольку алиментные правоотношения регулируются нормами семейного законодательства, в частности Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). В нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) права на получение алиментов упоминаются в

¹ Под правовым режимом обычно понимают порядок регулирования, выраженный в комплексе законодательных средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, позитивных обязываний, создающих особую направленность регулирования (см.: [2. – С. 372–375]).

контексте невозможности их перехода к другим лицам, недопустимости осуществления в их отношении зачета требований и иных норм, подчеркивающих их личный характер. На отсутствие признака оборонеспособности данного права обращает внимание и сам автор. Как отмечает П. Ю. Костин, «... право из алиментного обязательства не может являться объектом ни сингулярного правопреемства (в соответствии со ст. 383 ГК РФ права из алиментных обязательств не могут переходить к другим субъектам права от управомоченного), ни универсального правопреемства (коль скоро управомоченным субъектом по алиментному обязательству может выступать только гражданин, то единственным случаем универсального правопреемства для права из алиментного обязательства мог бы быть институт наследования, чему препятствует норма п. 1 ст. 120 СК РФ, в соответствии с которой алиментное обязательство смертью любой из его сторон прекращается)» [13].

Вместе с тем сформулированные П. Ю. Костиным выводы в отношении невозможности определения характера права в зависимости от его объекта основаны также на проведенном им анализе характеристик исключительного права на фирменное наименование, которое также не может являться объектом правопреемства в силу прямого указания закона¹, по результатам которого автор приходит к обобщающему выводу о том, что «... тезис о независимости характера права от характера своего объекта демонстрируется именно на примере прав на результаты интеллектуальной деятельности». По словам П. Ю. Костина, результат интеллектуальной деятельности, не являясь имуществом, оказывается объектом как имущественных, так и неимущественных прав. Даже если предположить, что результат интеллектуальной деятельности является видом имущества, ситуация не изменится – имущество окажется объектом неимущественного права.

По нашему мнению, право на фирменное обозначение является личным неимущественным правом и не может быть отнесено к числу имущественных прав по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 1474 ГК РФ фирменное наименование по своей правовой природе

относится к средствам индивидуализации², которое в отличие от результатов интеллектуальной деятельности как объект интеллектуальной собственности служит для защиты прав хозяйствующих субъектов [25]. И если до кодификации права интеллектуальной собственности оно могло быть вовлечено в гражданский оборот, то в соответствии с действующим законодательством распоряжение им не допускается, что стало важной вехой в развитии понимания правовой природы фирменного наименования³. Принимая во внимание прямое указание законодателя о назначении фирменного наименования как средства индивидуализации юридического лица, т.е. субъекта права, следует согласиться с высказанной в научной доктрине позицией о целесообразности распространения на фирменное наименование не исключительного (т.е. имущественного), а неимущественного права по аналогии с личным неимущественным правом физического лица – правом на имя, которое также индивидуализирует его как субъекта права. Как верно подмечено в литературе, «индивидуализация субъекта права – это сфера действия личных неимущественных прав, так же как и имя гражданина, под которым он выступает в гражданском обороте» [12].

Что касается тезиса о независимости характера права от характера своего объекта, что подтверждается примером возникновения на результат интеллектуальной деятельности как имущественных, так и неимущественных прав, отметим следующее. В соответствии с действующим законодательством на такие объекты действительно

² Юридическому лицу принадлежит исключительное право использования своего фирменного наименования в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом (исключительное право на фирменное наименование), в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети Интернет (п. 1 ст. 1474 ГК РФ).

³ В Докладе Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации представитель Российской Федерации заявил буквально следующее: «... прямой запрет на распоряжение исключительным правом на фирменное наименование, в том числе посредством его отчуждения или предоставления права его использования другому лицу на основании лицензионного договора (статья 1474), означает важную перемену в правовой оценке фирменных наименований» (см.: Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации (Принят 16.11.2011 – 17.11.2011) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹ В соответствии с пунктом 2 статьи 1474 ГК РФ распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования) не допускается.

возникают интеллектуальные права, которые включают в себя имущественное право (исключительное право), а также неимущественное право (личные неимущественные права). Однако выбор того или иного права зависит не только от свойств и юридических характеристик его объекта, во многом выбор права определяется характером потребности (интереса) субъекта права: к примеру, если речь идет о защите прав автора результата интеллектуальной деятельности, совершенно очевидно, что такой интерес носит личный характер и, следовательно, оформляется личным неимущественным правом со свойственным ему правовым режимом. В то же время имущественный интерес правообладателя реализуется и защищается в режиме имущественных прав.

С учетом изложенного мы можем заключить, что такие права, как право на получение алиментов, право на компенсацию морального вреда и иные подобные права, которые вытекают из обязательств личного характера, не могут являться объектами гражданских прав в контексте статьи 128 ГК РФ, поскольку не обладают одним из основных признаков субъективного права – оборотоспособностью. Вместе с тем нельзя отрицать имущественный характер таких прав, в силу чего они могут быть отнесены к имущественным правам в широком смысле (как общеправовой категории), но не в узком смысле – в систему гражданских имущественных прав их включить нельзя.

В последние годы все активнее возрастает доктринальный интерес к так называемым корпоративным правам. Вопрос о месте корпоративного права является дискуссионным в отечественной доктрине. По нашему мнению, в настоящее время нет оснований говорить о формировании новой отрасли права – корпоративного права. Следует согласиться с мнением Е. А. Суханова в том, что корпоративное право по своей юридической природе является частным правом, его нормы как положения специального частного права соотносятся с нормами гражданского права как *lex specialis* и *lex generalis*, иными словами, в отсутствие специальных правил следует руководствоваться общими положениями гражданского права [30]. Поэтому гражданско-правовая природа корпоративных отношений не вызывает сомнений – субъектами таких отношений являются исключительно субъекты гражданского права, а сами отношения, складывающиеся между участниками корпораций, а также между ними и корпорациями, отвечают всем признакам отношений, составляю-

щих предмет гражданского права в соответствии с пунктом 1 статьи 2 ГК РФ.

Основой становления корпоративного права как подотрасли гражданского права является включение в абзац 1 пункта 1 статьи 2 ГК РФ¹ корпоративных отношений как отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. В соответствии с действующим законодательством к корпоративным организациям относятся коммерческие и некоммерческие юридические лица², при этом участники корпораций обладают как неимущественными, так и имущественными правами³. Набор таких прав традиционно определяется участием их обладателя в формировании складочного капитала.

В числе неимущественных прав, которыми в той или иной степени обладают участники как некоммерческих, так и коммерческих корпораций, следует назвать право на участие в управлении делами корпорации, иные немаловажные права – право на информацию, а также право на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью корпорации.

¹ Перечень отношений, регулируемых нормами гражданского права, был дополнением указанием на корпоративные отношения Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627).

² В соответствии с пунктом 1 статьи 65.1 ГК РФ корпоративными юридическими лицами (корпорациями) являются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 ГК РФ. К ним относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

³ В юридической литературе довольно часто выделяют в отдельный вид корпоративных прав также преимущественное корпоративное право, под которым понимается право (при определенных условиях) на сохранение и/или увеличение доли в уставном капитале при продаже части уставного капитала (в том числе при его увеличении) третьим лицам. Также предполагают различные варианты реализации (см., например: [28]).

Иная ситуация складывается в отношении имущественных корпоративных прав, которые предполагают получение участником корпорации средств – прибыли к распределению, ликвидации квоты в случае прекращения деятельности товарищества или хозяйственного общества (ст. 67 ГК РФ) или выхода из него. Правовая природа таких прав обусловлена целями участия лица в коммерческой организации – участие в такой корпорации предполагает объединение капиталов ради их увеличения, получения и распределения прибыли. Иными словами, налицо имущественный интерес субъекта права. Цели участия в некоммерческих организациях не могут преследовать получение прибыли от участия в такой корпорации. Даже если некоммерческая организация при соблюдении всех установленных законом условий осуществляет предпринимательскую деятельность, полученная прибыль не распределяется между участниками такой корпорации. Из этого вытекает вывод о том, что имущественные корпоративные права возникают только у участников коммерческих корпораций.

Примечательно, что имущественные корпоративные права участников коммерческих корпораций признаются объектом гражданских прав – это разновидность имущества, которое имеет денежную оценку и обладает признаком оборотоспособности. Не вызывает сомнений имущественная природа наследственных прав, преследующих цель распоряжения и присвоения имущества.

Не останавливаясь подробно на доктринальной дискуссии относительно места наследственного права в системе российского права, отметим, что поддерживаем позицию ученых, рассматривающих наследственное право в качестве подотрасли гражданского права. Одним из вопросов, на которые следует ответить, считаем вопрос об отнесении к числу самостоятельных имущественных прав, вытекающих из наследственных правоотношений и существующих только в таких правоотношениях наследственных прав. Примечательно, но, несмотря на большое количество научных исследований в области наследственного права, почему-то учеными акцентируется внимание на понятии наследования, а непосредственно сама категория «наследственное правоотношение» должного внимания не получила [31]. Причем авторы, которые так или иначе анализировали последнюю, сходятся во мнении, что наследственные правоотношения представляют собой отношения по поводу наследства (его принятия, охра-

ны, раздела и т. п.) [7], а учитывая сложный процесс наследования, говорят о стадиях (видах) наследственного правопреемства. Так, Б. С. Антимонов и К. А. Граве считают, что в наследовании можно говорить о двух правоотношениях: первое возникает из события (открытие наследства), а второе – по воле наследников (принятие наследства) [4. – С. 26]. Наследственным правоотношением М. Ю. Барщевский считает общественное отношение, возникающее между участниками гражданского оборота в связи со смертью лица по поводу принадлежавших ему имущественных прав и обязанностей, урегулированное нормами наследственного права [6. – С. 30]. У. А. Омарова определяет наследственное правоотношение как урегулированное нормами права общественное отношение, связанное со смертью наследодателя и причинно обусловленное возникновением у наследников гражданских прав и обязанностей, одинаковых или аналогичных с теми, субъектом которых в момент смерти был наследодатель [23. – С. 25]. О. С. Иоффе разделял наследственное правоотношение на две стадии: на первой стадии наследственного правоотношения у наследника возникает единственное правомочие – право принять наследство. На второй стадии наследственное правоотношение сохраняется лишь как основание тех прав (права собственности, обязательственных и иных), правомочий, которые раньше принадлежали наследодателю [10. – С. 290]. П. С. Никитюк выделяет следующие стадии наследования: первая возникает с момента открытия наследства и развивается до принятия его одним из наследников, вторая имеет место с момента принятия наследства одним наследником до принятия наследства всеми наследниками, третья заключается в правовом оформлении наследства [18. – С. 98].

В результате анализа различных доктринальных позиций можно сделать вывод о том, что ученые выделяют наследственное правоотношение в узком и широком смыслах¹, однако и такой подход в доктрине подвергается критике [15]. Основной

¹ Наследственное правоотношение в широком смысле слова предполагает наличие единого правоотношения, которое возникает с момента открытия наследства и прекращается, когда у наследников возникают права и обязанности, аналогичные правам наследодателя; в узком – конкретное правоотношение, урегулированное нормами наследственного права, возникающее в связи со смертью гражданина по поводу наследства (см.: [15]).

аргумент противников понимания наследственного правоотношения в широком и узком смыслах сводится к тому, что такое деление на стадии (виды) правоотношения обусловлено методологической ошибкой, поскольку рассматривать любое гражданское правоотношение, в том числе и наследственное, в статике нельзя – оно не является одномоментным явлением и всегда носит длящийся характер. Также ссылаются на то, что сами по себе (по отдельности) такие юридические факты, как открытие наследства или его принятие, или совершение завещания, или заключение наследственного договора «... не способны произвести правовые последствия» [15].

Мы склонны согласиться с динамической характеристикой наследственного (впрочем, как и любого иного гражданского) правоотношения, однако считаем неверным рассматривать весь процесс наследования в рамках одного (единого) наследственного правоотношения, уж тем более не может признать истинным утверждение об отсутствии правовых последствий, к примеру, таких актов, как совершение завещания или заключение наследственного договора. Институт наследственного договора является новеллой отечественного законодательства, его конструкция предусматривает возможность возникновения корреспондирующих имущественных и неимущественных прав и обязанностей, если наследственный договор предполагает исполнение отдельных его условий при жизни наследодателя (например, предоставление наследодателю определенного содержания или совершение иных действий имущественного или неимущественного характера в отношении наследодателя)¹. В подобной ситуации сложно утверждать, что их выполнение «не способно произвести правовые последствия».

Кроме того, было бы ошибкой исключить из сферы наследственных правоотношений отношения, связанные с распоряжением имуществом на случай смерти лица. И если ранее к подобным выводам были определенные предпосылки, то в настоящее время с расширением возможностей распоряжения имуществом на случай смерти следует признать существование наследственных правоотношений до момента открытия наслед-

ства. К такому выводу нам позволяет прийти как минимум законодательная конструкция наследственного договора. Мы убеждены, что существующие в настоящее время правовые возможности распорядиться имуществом на случай смерти также представляют собой наследственные правоотношения – в этом случае мы исходим из того, что гражданские (а значит, и наследственные) права своим объектом имеют определенное благо, с которым связывается удовлетворение интереса обладателей этих прав, в наследственных правоотношениях – это распоряжение имуществом на случай смерти, именно в этом заключается удовлетворение интереса обладателя данного права. Именно поэтому все третьи лица должны воздерживаться от совершения каких-либо действий, препятствующих управомоченному лицу господствовать над соответствующим благом, в том числе потенциальные наследники, которые не должны препятствовать выражению последней воли наследодателя, чему является подтверждением правовой институт недостойных наследников².

Таким образом, наследственные правоотношения – это вид урегулированных нормами наследственного права имущественных отношений, связанных с распоряжением имуществом на случай смерти, с принятием наследства после его открытия, раздела между принявшими наследство наследниками и оформлением прав на него. Соответственно, наследственные права, возникающие в рамках наследственных правоотношений, представляют собой самостоятельный вид имущественных прав в системе гражданского права.

В рамках настоящего исследования более подробно считаем необходимым остановиться на исследовании цифровых прав как новеллы российского законодательства – с позиции целесообразности их включения в систему имущественных прав гражданского права в качестве ее самостоятельных элементов. Одним из дискуссионных вопросов в современной правовой доктрине являет-

¹ По смыслу абзаца 2 пункта 10 статьи 1140.1 ГК РФ наследодатель, отказавшийся от наследственного договора, обязан возместить другим сторонам наследственного договора убытки, которые возникли у них в связи с исполнением именно таких условий наследственного договора.

² Не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке (п. 1 ст. 1117 ГК РФ).

ся вопрос о правовой природе цифровых прав и их месте в российском праве¹.

Развитие цифровизации в современном обществе привело к логическому реагированию российского законодателя, что нашло выражение в принятии в 2019 г. Федерального закона², включившего в гражданское законодательство такое понятие, как цифровые права. Единство в понимании обозначенных вопросов в отечественной доктрине отсутствует, и это несмотря на легальную дефиницию цифровых прав³. Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что ответ на многие поставленные вопросы можно найти, когда не будет сомнений в правовой природе цифровых прав, которая и предопределяет устанавливаемый в их отношении оптимальный правовой режим [36. – С. 231]. Кроме того, установление правовой природы цифровых прав позволит ответить на вопрос о наличии или отсутствии их собственного содержания, которое отличало бы их от общепринятых вещных, обязательственных и исключительных прав.

В соответствии с действующим законодательством цифровые права поименованы в перечне объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) в составе имущественных прав наравне с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами⁴. При этом в силу прямого указания закона цифровые права представляют собой обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определя-

ются по правилам информационной системы, отвечающей установленным законом признакам⁵. Учитывая такой «законодательный набор», неудивительно, что большинство авторов рассматривают цифровые права в субъективном и объективном смыслах как самостоятельный вид имущественного права⁶, как субъективное право отдельного лица [24], обладающее экономической ценностью [14]. Отмечается также, что в перспективе совокупность норм о цифровых правах будет относиться к комплексным отраслям права⁷ (в настоящее же время его можно рассматривать как комплексный институт права [17; 33]). Его называют также и самостоятельной отраслью права [11] или отраслью законодательства, и подотраслью информационного права – также в перспективе [3]. Более того, в доктрине уже заговорили о не просто новой юридической реальности, а о цифровых правах личности как особой категории субъективных прав [16. – С. 105]. При этом цифровые права уже традиционно связывают с понятием цифрового имущества.

¹ Его называют и отраслью законодательства (И. Л. Петрова, В. С. Манохин, А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, Р. В. Насыров, И. Н. Васев), и комплексной отраслью права – в перспективе (М. А. Егорова, В. С. Белых), и подотраслью информационного права – также в перспективе (О. В. Танимов, А. Р. Шевченко), и комплексным правовым институтом – в настоящее время (М. А. Егорова, В. С. Белых, А. В. Минбалева) (более подробно см.: [3]).

² Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.

³ Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ).

⁴ М. А. Рожкова, определяя цифровое право как новую юридическую фикцию, указывает на близость их сущности и правовую природу с ценной бумагой (см.: [26. – С. 27]).

⁵ Таких законов на данный момент в Российской Федерации два: Закон об инвестиционных платформах (Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4418) и Закон о ЦФА (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018).

⁶ Наглядным примером данной интерпретации может выступать исследование М. А. Рожковой, которая сопоставляет цифровое право как новую юридическую фикцию с ценной бумагой, указывая на близость их сущности и правовой природы. Так, автор ставит в один ряд цифровые права с традиционными объектами гражданских прав, а именно с имущественными правами, включающими безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, что вполне научно обоснованно, в том числе с позиции положений действующего законодательства (см.: [26. – С. 27, 43]).

⁷ Вместе с тем в доктрине также активно выступают против квалификации данного сегмента в качестве отрасли и даже подотрасли права (см., например: [5. – С. 496; 35. – С. 521;]). Так, Ф. Истербруг полагал ненужным обособлять интернет-право, поскольку оно не имеет какой-либо предметной самостоятельности, юридически значимых особенностей [37. – Р. 207].

Вместе с тем легальное определение цифровых прав время от времени критикуется – и небезосновательно. Так, весьма аргументировано подчеркивает несовершенство законодательной дефиниции рассматриваемой категории Л. В. Василевская, по словам которой «... с точки зрения элементарной логики нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей правовой природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.)» [8]. На двусмысленное толкование формулировки «обязательственные и иные права», допускающей различное толкование (речь идет обо всех имущественных правах или только обязательственных и аналогичных им прав), как на недостаток представленного определения, указывает также А. Семенов. По его мнению, можно «либо предположить, что слово “обязательственные” упомянуто случайно, поскольку “иные” права включают в себя вообще все возможные имущественные права, включая абсолютные, а также обязательства из деликтов и кондикции и пр.; либо сделать вывод о том, что имеются в виду “обязательственные и иные аналогичные права”, т. е. речь идет только об относительных, а не, скажем, абсолютных правах; либо в еще более жесткой интерпретации исходить из того, что речь может идти только о правах из сделок, а не из деликтов и кондикции» [19].

Безусловно, следует признать, что цифровое имущество или, как его еще именуют в юридической литературе, цифровые активы все чаще вовлекаются в экономический оборот, в силу чего назрела необходимость установления в отношении цифрового имущества гражданско-правового режима. Включение в число объектов гражданских прав цифровых прав, конечно, уже снижает возможные риски неопределенности, связанные с внедрением данных объектов в гражданский оборот. Однако данная тема была продумана законодателем, на наш взгляд, не до конца, сконструированная модель цифровых прав по модели бездокументарной ценной бумаги вызывает много вопросов. Несмотря на легализацию нового явления, можно заметить, что даже в процессе принятия Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ дефиниция цифрового права была неоднозначна, из-за чего подвергалась корректировкам. Так, изначально в рамках Пояснительной записки к проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации» цифровое право отождествлялось с ценной бумагой, вследствие чего под данным правом понимался комплекс цифровых (электронных) данных, который, в свою очередь, лишь подтверждал и удостоверял право лица на отдельный объект гражданских прав. При этом законодатель упоминал «токены» и «криптовалюту» как новые элементы экономических отношений. Токен выступал лишь одним из способов регистрации, закрепления прав в цифровой форме, не являясь при этом имущественным правом. Однако в процессе доработки мнение законодателя изменилось¹.

Назвав нормы ГК РФ о цифровых правах «правовым экспериментом», А. Габов верно подметил, что «описать эту реальность в полной мере адекватно оказывается непросто; равно как и непросто понять, каково должно быть ее место в системе объектов гражданских прав» [19]. По мнению ученых, тенденция конкретизации прав человека «создает иллюзию возникновения нового вида прав – цифровых» [32]. Следует признать, что, поскольку развитие цифровизации и активное погружение человека в интернет-среду влияет на гражданские права и свободы человека и гражданина, в том числе и на их содержание, данные процессы не могут игнорироваться законодателем, однако это не дает оснований для признания цифровых прав в том виде, в каком они закреплены в современном законодательстве, самостоятельным видом имущественных прав.

Основываясь на легальном определении цифровых прав, авторы одной из монографий при анализе цифровых прав, отнеся такие права к числу субъективных гражданских прав, справедливо, на наш взгляд, квалифицируют их как общеизвестные классические гражданские права² в зависимости от правовой природы цифровых объектов и характера имущественных правоотношений, возникающих в процессе применения (использования) цифровых технологий [1].

Это ставит под сомнение самостоятельное содержание правовой категории «цифровое право». Ведь если цифровое право есть не что иное, как «обязательственные и иные права», соответственно, именно то или иное имущественное пра-

¹ Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Корпоративные, обязательственные, интеллектуальные и иные гражданские права.

во в зависимости «от правовой природы цифровых объектов и характера имущественных правоотношений» и является содержанием цифрового права. В этой ситуации с определенной долей условности можно было бы говорить о некой специфике цифровых прав, суть которой выражается в том, что содержание и условия осуществления такого «обязательственного или иного права» определяются по правилам информационной системы.

Однако данная специфика очевидна лишь на первый взгляд. В юридической литературе уже неоднократно было указано, что цифровые права по своей природе представляют собой лишь форму оформления известных прав: вещного, обязательственного, исключительного. Говоря о необоснованности отнесения цифровых прав к объектам гражданских прав, например, А. И. Овчинников и В. И. Фахти в ходе своего исследования высказали предположение о том, что цифровое право лишь подтверждает право на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права, а электронные средства информационной системы осуществляют материализацию данных имущественных прав [22]. К аналогичным выводам пришли, в частности, С. Сарбаш, А. Асосков, Р. Яновский [19]. Более того, С. Сарбаш называет эту категорию «ложной сущностью в ряду субъективных гражданских прав», это «метод оформления, но не содержание имущественного отношения». По его словам, то, что «... содержание прав и условия их осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, противоречит принципам гражданского права» [19]. Считаем, что данный тезис следует признать верным, поскольку содержание субъективных гражданских прав и условия их осуществления никак не может определять информационная система, эти вопросы должны быть урегулированы только на уровне закона, а названная в законе информационная система может только способствовать такому осуществлению в соответствии с предписаниями нормы права.

Достаточно детально проанализировав рассматриваемую правовую категорию, Е. А. Суханов аргументировано показывает, что «...цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом». Иначе говоря, по словам Е. А. Суханова, «...предусмотренное законом закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме

не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе способы распоряжения ими». Данные выводы ученый справедливо распространяет и на цифровые финансовые активы как разновидность цифрового имущества, которое, по его мнению, также не представляют собой особого объекта гражданского оборота со своим правовым режимом. Речь и здесь идет об условном наименовании предусмотренного законом особого (цифрового) способа фиксации некоторых имущественных прав [30].

При этом, говоря об отсутствии гражданско-правовой специфики цифровых прав, автор ссылается на легальную дефиницию цифровых инноваций, которые определяются посредством обобщающей категории «продукт» и раскрываются через обычные (известные) объекты гражданских прав в контексте статьи 128 ГК РФ – товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности, которые используются с применением цифровых технологий. Под ними понимаются «новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России)»¹. Иными словами, в силу принципа буквального толкования закона цифровые инновации есть не что иное, как традиционные объекты гражданских прав, созданные или используемые при применении цифровых технологий. Следовательно, «цифровые права» как самостоятельная гражданско-правовая категория утрачивают юридический

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5017).

смысл. Тот же вывод следует из анализа пункта 2 статьи 1 Закона о цифровых финансовых активах¹, в котором содержится определение цифровых финансовых активов. В действующей редакции указанной нормы понятие цифровых финансовых активов представляет собой даже не форму традиционных прав, а является общим (собирательным) понятием, что исключает его собственное (самостоятельное) правовое содержание.

Мы признаем данный подход к пониманию правовой природы цифровых прав в настоящее время наиболее предпочтительным, однако и он не лишен недостатков. Возьмем, например, бездокументарные ценные бумаги². Фиксация прав по такому типу ценных бумаг осуществляется посредством внесения соответствующих учетных записей. И бездокументарные ценные бумаги, и цифровые права являются по своей сути имущественными правами, не имеют физической (овеществленной) формы, им свойственен схожий правовой режим. Иными словами, возникает вопрос о критериях разграничения бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав, поскольку их различия не обладают выраженным характером: для бездокументарной ценной бумаги соответствующие правила закреплены в решении о ее выпуске (абз. 2 п. 1 ст. 142 ГК РФ), в отношении же цифрового права такие правила определены правилами информационной системы (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ); ценная бумага, в отличие от цифрового права, может быть отражена на счетах на материальном (бумажном) носителе, а учитывая, что практика идет по пути ведения электронных реестров ценных бумаг, такое отличие не дает представления об их отграничении от цифровых прав в случае цифровой фиксации. Можно принять, что ключевое отличие правового режима бездокументарной ценной бумаги и цифрового права сводится к возможности последнего обращаться только в пределах определенной информационной системы. Однако в статье 5 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием

инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» мы видим, что правила инвестиционной платформы распространяются и на эмиссионные ценные бумаги, что в очередной раз стирает различия между цифровым правом и ценной бумагой³.

Таким образом, ученым еще предстоит определить правовую природу цифрового имущества и прав на него (цифровых прав). Со временем сложится определенная судебная практика, а развитие цифровизации и научный прогресс окажут несомненное влияние на дальнейшую характеристику общественных отношений, связанных с цифровыми правами.

Однако на сегодняшний день отсутствуют теоретические (доктринальные) предпосылки для признания цифрового права самостоятельным имущественным правом и, соответственно, объектом гражданского права в контексте статьи 128 ГК РФ. Квалифицирующие признаки, положенные законодателем в легальную дефиницию данного понятия, не позволяют отграничить цифровые права от общепризнанных традиционных имущественных прав. При этом необходимо исходить из того, что любое право должно иметь основу, а также собственное содержание. В то время как фундамент цифрового права российский законодатель сводит к «обязательственному или иному праву», именно последнее и обладает тем необходимым содержанием, которое позволяет признать обязательственное, вещное и исключительное право самостоятельным элементом системы имущественных прав в гражданском праве. По этой причине в настоящее время правовая природа цифрового права может быть определена только как способ закрепления (удостоверения) имущественного права.

Учитывая изложенное, следует признать, что в настоящее время система имущественных прав в отечественном гражданском праве представлена (с теми или иными исключениями) следующими видами прав: вещными, обязательственными, корпоративными и наследственными.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

² Стоит отметить, что правовая природа данного типа ценных бумаг также в юридической литературе вызывает различные споры.

³ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4418).

Список литературы

1. Актуальные проблемы эффективности частного права : монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов и др.; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. – М. : Юстицинформ, 2022.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 372–375.
3. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М. : Норма, 2023.
4. Антимонов Б. С., Граве К. А. Советское наследственное право. – М., 1955.
5. Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 492–509.
6. Барщевский М. Ю. Правовое регулирование наследования по завещанию в СССР. – М., 1984.
7. Булаевский Б. А. К вопросу об ограничении наследственных прав // Наследственное право. – 2020. – № 4. – С. 3–7.
8. Василевская Л. В. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
9. Груздев В. В. Правовая природа наследования // Наследственное право. – 2023. – № 3. – С. 6–8.
10. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. – Ч. 3. – Л., 1965.
11. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.
12. Кондратьева Е. А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. – М. : Статут, 2014.
13. Костин П. Ю. О независимости имущественного или неимущественного характера субъективно-гражданского права от его объекта // Гражданское право. – 2012. – № 3. – С. 18–21.
14. Лаптев В. А. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография. – М. : Проспект, 2021.
15. Лиманский Г. С. Наследственное правоотношение: общие теоретико-методологические проблемы учения // Наследственное право. – 2007. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Матаева М. Х. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2020.
17. Минбалеов А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. – 2019. – № 4 (73). – С. 58–64.
18. Никитюк П. С. Проблемы советского наследственного права : дис. ... д-ра юрид. наук. – Кишинев, 1975.
19. Новоселова Л. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
20. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
21. Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2009.
22. Овчинников А. И., Фахти В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 108–109.
23. Омарова У. А. Основные институты наследственного права России и степень отражения в них принципа социальной справедливости: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1999.
24. Пагава Т. Л. Понятие и содержание имущественных прав граждан // Legal Concept. – 2019. – № 1 (18). – С. 131–136.
25. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы : монография / С. М. Михайлов, Е. А. Моргунова, А. А. Рябов и др.; под общ. ред. Е. А. Моргуновой. – М. : Норма : Инфра-М, 2014.

26. Рожкова М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. – 2021. – № 17. – С. 10–68.
27. Рыбаков В. В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. – 2008. – № 2. – С. 40–43.
28. Самойлов И. А. К вопросу о классификации корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 1. – С. 27–32.
29. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
30. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М. : Статут, 2014.
31. Трапезникова А. В. Наследственное правоотношение: концепция и суть // Наследственное право. – 2012. – № 4. – С. 22–25.
32. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 19. – С. 5–16.
33. Цифровое право / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. С. 36.
34. Чеговадзе Л. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 10. С. – 81–86.
35. Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования: монография. – М. : Юстицинформ, 2024.
36. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2021. – С. 230–240.
37. Easterbrook Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse. – University of Chicago Legal Forum, 1996. – P. 206–216.